

ВЫШЕ

ПОПУЛЯРНОСТИ

Франсуа Олланд
хочет побороть
рецессию Франции
политической
волей

НИКОЛАЙ ДОЛГОПолов

Фото: Martin Bureau, Luc Novotich / AFP / East News, Bertrand Langlois, Christian Hartmann, Stéphane Mahe / Reuters, Станислав Красильников / ИТАР-ТАСС

«Я не стремлюсь быть популярным. Моя задача выше этого», — комментировал лидер Франции социалист Франсуа Олланд катастрофически снижающийся рейтинг. Полтора года назад, во время предвыборной кампании, его неяркая манера держать себя, флегматичность и лишний вес выгодно отличали политика от порядком надоевшего французам тогда еще президента Николя Саркози, словоохотливого и эмоционального, иногда даже чересчур. Однако сегодня сам Олланд управляет Францией, и по поводу его политики у граждан возникает все больше вопросов.

Суд безработных

В первом туре президентских выборов, 22 апреля 2012 года, Олланд получил 28,63% голосов избирателей, во втором — 51,7%. Однако год спустя его рейтинг колебался уже в районе 26%. За последние 30 лет ни один глава Франции не обладал на этом этапе президентства столь низким уровнем общественной поддержки.

Сентябрь станет серьезным рубежом для Олланда и, возможно, его шансом вернуть падающие рейтинги. В этом месяце его кабинет министров вернется после августовских каникул, и с него уже можно будет спрашивать. Олланд сам рассказал согражданам, чего им стоит ожидать осенью от работы правительства: прежде всего, снижения безработицы.

Во Франции так повелось: если безработица пересекает 10-процентный рубеж, жди недовольства. По главному счету Николя Саркози проиграл как раз из-за того, что кривая и косая этого важнейшего показателя в некогда процветающей в экономическом отношении державе перескочила этот заклятый рубеж.

В последний раз безработица достигала 10% в 1997 году, во многом как результат политики предыдущего президента-социалиста Франсуа Миттеррана. В 1980-е годы ему пришлось открывать границы для дешевой рабочей силы из франкоязычной Африки, которая в итоге превысила спрос.

Олланд обещает снизить число вынужденно сидящих без дела. Сейчас безработных примерно 3,2 млн. Потерять работу сегодня боятся многие французы. У многих молодых ее пока нет. Они в надежде и поиске. Людей предпенсионного возраста всех профессий отправляют все чаще на так называемое добровольное пенсионное обеспечение. При этом довольно часто предприятия обязаны раскошелиться и платить, помимо пенсии, нечто вроде солидной, в несколько сот тысяч евро, премии.

Выход из этой ситуации Олланд видит в еще большем напряжении бюджета. Согласно его плану, к началу текущего учебного года правительство выделит 30 тыс. рабочих мест в начальных школах и детских садах — на позиции воспитателей или смотрителей детских площадок. Срок контрактов по трудоустройству на эти места будет увеличен до года.

Схожие вакансии в системе здравоохранения, благотворительности и других социальных и некоммерческих секторах будут предложены молодежи в возрасте от 16 до 25 лет. Цель этой программы под названием «работа для будущего» — генерировать 100 тыс. рабочих мест в год.

Третий этап реформ Олланда — проведение широких программ переподготовки для представителей невостребованных специальностей. Это позволит французским безработным, которым не хватает необходимых навыков, восполнить эти пробелы в образовании и занять 30 тыс. вакансий в течение 2013 года и еще 70 тыс. — в течение следующего.

И наконец, правительство Франции решило субсидиями подтолкнуть бизнес к проведению программ стажировки молодежи, которая впоследствии должна занять место уходящих на пенсию сотрудников.

Однако у этой программы много скептиков. Непонятно, каким образом восполнять эти траты, которые придется на бюджет. Обещания снизить дефицит ВВП до трех процентов Олланд не выполнил, и сейчас утверждает, что ему удастся снизить этот показатель до 3,7%. Эксперты Еврокомиссии, которые не обещают, а подсчитывают, выдают иную цифру — в 2014 году дефицит доберется в лучшем случае до 4,2%.

Игра на выезд

Стагнирующая экономика — боль всеобщая. И если Олланд еще может понравиться низшему и среднему классу за борьбу с безработицей, то для богатейших граждан страны (преимущественно правых политических воззрений) Олланд вряд ли сможет сойти за благодетеля.

В России конфликт между богатыми французами и Олландом отозвался «рождественской сказочкой». В начале года в страну из Бельгии приехал Жерар Депардьё, которого еще с советского времени у нас очень любят и

уважают. Гениальный актер, удачливый бизнесмен, способный винодел (как и неустанный потребитель бутелированной продукции) получил и российское гражданство. В первые две недели 2013 года он превратился в героя первого плана. Жерар бросил вызов лично Франсуа Олланду, заставляющему «несчастливых богачей» типа Депардье платить невиданно высокий дополнительный 75-процентный налог на доход сверх одного миллиона евро.

Кому как не обратившемуся в оскорбленного трагика Депардье было переиграть Олланда в этой битве интересов. Она закончилась не в пользу Олланда даже несмотря на сильную аргументацию: в момент рецессии Франция не может больше позволить богатеть предприимчивым и энергичным, не увеличивая долю их взноса в пустеющую казну. В декабре — еще до визита актера в Россию — Конституционный суд Франции отменил 75-процентный налог. Впрочем, он остался для богачей высоким — 45%.

На практике повышение налогов отозвалось оттоком капиталов и нежеланием инвестировать во французскую экономику. По мнению экспертов МВФ, возможности Франции по повышению налогов на данный момент исчерпаны.

Экономию в массы

Олланд же старается произвести впечатление на публику своей бережливостью. Хотя он и назначил в министры в основном близких себе политиков, президент довольно солидно — на 30%, как и обещал, — урезал зарплату им, а заодно и себе. Теперь он и Жан-Марк Эйро получают на треть меньше, чем прежние президент и премьер, — 14 910 евро. По высоким европейским меркам это немного.

Тут определенный выигрыш: Олланд продемонстрировал, что действительно стремится хоть как-то сократить грандиозный разрыв между богатыми и малообеспеченными. Его критики парировали: такой шаг — совсем не решение проблемы.

Французский лидер провел первую неделю правительственных каникул за работой

СМЕНИВШИЙ ГРАЖДАНСТВО ДЕПАРДЬЕ УСТРОИЛ «СПЕКТАКЛЬ» ДЛЯ ОЛЛАНДА

Олланд удивил Францию, покусившись на «святой» августовский отпуск. В это время закрываются продовольственные магазины, газетные киоски, правительственные учреждения. В Париже можно совершить невозможное: припарковать машину на Елисейских полях. Но верный аскетизму Олланд сократил отпуск всему правительству с трех недель до двух. А сам решил провести первую неделю каникул за рабочим столом, объяснив это коротко: «Много нерешенных рабочих проблем».

А вот уж на ком олландовская экономия отразилась болезненно, так это на президентской охране. Вопреки всем канонам и традициям, Олланд поселился не в резиденции, а в частном доме у своей верной подруги Валерии Триервейлер. Но возник вопрос: как этот дом защищать? Иногда тут вспоминают социалистического предшественника Олланда. Франсуа Миттеран тоже предпочитал свободу. Он время от времени тоже жил в своей квартире в старинном переулочке, откуда совершал пешие вылазки в медленном в соответствии с возрастом темпе. Порой якобы отрывался от охраны, заглядывая к знакомым.

Олланд же разъезжает по городу в Citroen — приличном, однако не шикарном. Машина не бронированная, хотя, говорят, есть и хорошо защищенный от пуль прототип. Но вот беда, Citroen часто останавливается там, где хочется президенту, а не охране. Главный пассажир с кем-то беседует, жмет руки.

Из-за желания Олланда сэкономить для его канцелярии возникла проблема с передвижениями по родной стране. В целях экономии президент не летает на персональном самолете, как положено, а пользуется поездами. И тут начинаются такие сложности. Где и как его посадить? Как обеспечить безопасность? Как оградить от ненужных подходов незнакомцев? Каким образом предугадать реакцию окружающих? В результате превентивных мер путешествия на поездах обходятся по крайней мере не дешевле самолетов, а сколько нервных клеток тратится телохранителями, подсчету не поддается.

Впрочем, пока Олланд поближе к народу, чем Саркози с Шираком. Это на Николя смотрели недружелюбно, а под конец срока случались инциденты типа плевков прохожих в сторону машины или громких колких замечаний. С Олландом никаких особых неприятностей до недавнего времени не происходило, разве что противники признали его самым непопулярным президентом Франции с 1981 года.

Равенство брака

Единственный неэкономический фактор, которым могут воспользоваться политические соперники Олланда, — это узаконивание однополых браков. Это произошло 28 мая и сопровождалось выступлениями, петициями, демонстрациями, а также одобрительными заявлениями парижского мэра, открытого гея Бертрана Деланоз.

Пойдя на этот шаг, Олланд наглядно продемонстрировал свою искреннюю заботу о равенстве, которое он как президент должен защищать. Кроме того, представители ЛГБТ-сообщества уже и так 14 лет могли регистрировать свои союзы, хотя и по упрощенной схеме, что не давало основания называть этот социальный статус браком.

Олланд вроде бы все просчитал. Перед прошлогодними выборами, по данным соцопросов, за однополые браки высказывалось 60% населения. Социалист сделал этот вопрос одним из приоритетов его кампании.

Однако когда законопроект начал обсуждаться, тема гей-браков вызвала бешеное раздражение правых из «Союза в поддержку народного движения» (СПНД) и даже некоторых из тех, кто голосовал за Олланда. Многотысячные манифестации протеста в Париже удивили и политиков, и правозащитников.

Неприятие однополых браков внезапно объединило большинство конкурентов Олланда. Вероятно, нынешнему президенту не хватило политического чутья, чтобы предугадать волну недовольства. Но теперь дело сделано, и Сену не повернуть вспять.

Наследство Миттерана

Молоденький французский учитель рассказывал: ему предлагают повышение зарплаты, если он согласится преподавать не в своем спокойном парижском аррондисмане (районе), а пойдёт в пригородный, сложный — т.е. населенный выходцами из франкоязычной Африки. Спустя лет 30–35 после того, как их отцы и деды ступили на землю Франции, они стали настоящими французами. Чем эти люди хуже тех, кто живет здесь веками? Вроде бы у них тот же паспорт, те же огромные социальные права, которые добыли для себя их соотечественники.

В 1980-х годов неважно говорящие по-французски представители Черного континента были среди поднимающих экономику Франции. Та призвала их на подмогу, ибо несколько заевшие свои не шли на необходимую низкооплачиваемую работу в промышленности.

Во Франции платили мигрантам гораздо больше, чем на родине. Денег им хватало и на то, чтобы перевозить сюда родственников. Те селились на окраинах в лачугах — отнюдь не в шикарных домах веками обжитого центра или 16-го района. В такие дома мигранты обычно нанимались батрачить, если хозяева милостиво разрешали переступить порог.

Потомки мигрантов освоились за этим порогом. Если их родители говорили по-французски с акцентом, то они, закончившие французские школы, давно уже стали местными. Вступившие во взрослую жизнь дети мигрантов понимают все, кроме одного: почему они так плохо живут? Почему их продолжают брать только на низкооплачиваемую работу? Да и отхватить такую — редкость.

Конфликт неразрешимый. Франция уже пережила погромы в пригородах с поджиганием шин и битьем стекол, нападения на полицейских, развороченные мостовые, массовые выступления неблагополучных подростков. Николя Саркози еще в ранге министра внутренних дел боролся со всем этим даже более успешно, чем правил страной из президентского Елисейского дворца.

И это наследство от Миттерана, доставшееся Жаку Шираку, Николя Саркози и сейчас — Франсуа Олланду, со временем вовсе не стало менее взрывоопасным.

Впрочем, в движение против однополых браков, начатое традиционалистами и католиками, в скором времени проникли ультраправые и во многом скомпрометировали его. Правый экстремизм, несколько было поутихший, вроде бы не так и поощряемый новым лидером «Национального фронта» Марин Ле Пен, приобрел зловещие очертания. Несмотря на то что наследница своего отца Жан-Мари Ле Пена все меньше скатывается к гомофобной риторике, на французских улицах на волне протестов резко увеличился уровень насилия над представителями ЛГБТ-сообщества. На демонстрациях то и дело прорывались лозунги, тревожно напоминающие 1930-е годы. Официальный представитель правящей Социалистической партии осудил «фашистскую жестокость, бьющую по Франции».

Воля и представление

Как бы то ни было, сегодня у Олланда нет времени исправлять прошлые ошибки. Его главный приоритет — экономическое восстановление второй крупнейшей экономики Европы. И пока французы не могут оценить эффект его реформ, которые проявят себя в лучшем случае этой осенью, президент держится как настоящий политический ястреб.

Олланд утверждает: его налоговая и социальная политика дадут плоды уже к середине 2014 года. Тогда, уверяет президент, рост экономики автоматически даст новые рабочие места, и необходимость в субсидировании вакансий исчезнет. Экономисты утверждают, что этот процесс начнется только в случае не менее, чем 1,5-процентного роста. Прогноз для Франции — лишь 1,2%. Правительство Олланда считает, что этого роста все равно будет достаточно. «Политика — не волшебство. Политика — это человеческая воля», — торжественно говорил он во время празднования Дня взятия Бастилии. В эфире государственных каналов он восседал за белым столом, установленном на зеленом газоне перед Елисейским дворцом. Помимо Олланда, в огромном саду дворца не было никого, кроме двоих журналистов и телекамер. **МП**

